

# МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

(ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ).

## ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

## ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ  
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,  
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко  
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ  
По ней стремился одиноко.  
По мшистымъ топкимъ берегамъ  
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,  
Приюгъ убогаго чухонца;  
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ  
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,  
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ:  
«Отсель грозить мы будемъ шведу;  
Здѣсь будетъ городъ заложонъ,  
На зло надменному сосѣду;  
Природой здѣсь намъ суждено  
Въ Европу прорубить окно,<sup>1</sup>  
Ногою твердой стать при морѣ;

<sup>1</sup> Альгаротти гдѣ-то сказалъ: Pétersbourg est la fenêtre, par-la quelle la Russie regarde en Europe.—А. II.

Стих. А. С. Пушкина. Т. III.

Сюда, по новымъ имъ волнамъ,  
 Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —  
 И запируемъ на просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,  
 Полнощныхъ странъ краса и диво,  
 Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ  
 Вознесся пышно, горделиво:  
 Гдѣ прежде финскій рыболовъ,  
 Печальный пасынокъ природы,  
 Одинъ у низкихъ береговъ  
 Бросалъ въ невѣдомыя воды  
 Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,  
 По оживленнымъ берегамъ,  
 Громады стройныя тѣснятся  
 Дворцовъ и башенъ; корабли  
 Толпой со всѣхъ концовъ земли  
 Къ богатымъ пристанямъ стремятся;  
 Въ гранитъ одѣлася Нева;  
 Мосты повисли надъ водами;  
 Темнозелеными садами  
 Ея покрылись острова —  
 И передъ младшею столицей  
 Главой склонилася Москва.  
 Какъ передъ новою царицей  
 Порфиросная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье;<sup>2</sup>  
 Люблю твой строгій, стройный видъ,  
 Невы державное теченье,  
 Береговой ея гранитъ,  
 Твоихъ оградъ узоръ чугунный,  
 Твоихъ задумчивыхъ ночей  
 Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,  
 Когда я въ комнатѣ моей  
 Пишу, читаю безъ лампы,  
 И ясны спящія громады  
 Пустынныхъ улицъ, и свѣтла  
 Адмиралтейская игла,  
 И не пуская тьму ночную  
 На золотыя небеса,  
 Одна заря смѣнить другую  
 Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;  
 Люблю зимы твоей жестокой  
 Недвижный воздухъ и морозъ,

<sup>2</sup> См. стихи кн. Вяземскаго къ графинѣ З—ой.— А. П.

Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,  
 Дѣвичьи лица ярче розъ,  
 И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,  
 А въ часъ пирушки холостой,  
 Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ  
 И пунша пламень голубой;  
 Люблю воинственную живость  
 Потѣшныхъ марсовыхъ полей,  
 Цѣхотныхъ ратей и коней  
 Однообразную красоту;  
 Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю  
 Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,  
 Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,  
 Насквозь прострѣленныхъ въ бою;  
 Люблю, военная столица,  
 Твоей твердыни дымъ и громъ,  
 Когда полнощная царица  
 Даруетъ сына въ царскій домъ,  
 Или побѣду надъ врагомъ  
 Россія снова торжествуетъ,  
 Или, взломавъ свой синій ледъ,  
 Нева къ морямъ его несетъ  
 И, чуя вѣсни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой  
 Неколебимо, какъ Россія!  
 Да умирится же съ тобой  
 И побѣжденная стихія:  
 Вражду и плѣнь старинный свой  
 Пусть волны финскія забудутъ,  
 И тщетной злобою не будутъ  
 Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:  
 Объ ней свѣжо воспоминанье...  
 Объ ней, друзья мои, для васъ  
 Начну свое повѣствованье.  
 Печалень будетъ мой рассказъ...

29 октября.

#### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ  
 Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;  
 Плеская шумною волной  
 Въ края своей ограды стройной,  
 Нева металась, какъ больной

Въ своей постелѣ безпокойной;  
 Ужъ было поздно и темно;  
 Серdito бияся дождь въ окно,  
 И вѣтеръ дулъ, печально воя.  
 Въ то время изъ гостей домой  
 Пришелъ Евгеній молодой...  
 Мы будемъ нашего героя  
 Звать этимъ именемъ. Оно  
 Звучитъ пріятно; съ нимъ давно  
 Мое перо ужъ какъ-то дружно;  
 Прозванья намъ его не нужно—  
 Хотя въ минувши времена  
 Оно, быть можетъ, и блистало,  
 И подъ перомъ Карамзина  
 Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;  
 Но нынѣ свѣтомъ и молвой  
 Оно забыто. Нашъ герой  
 Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служить,  
 Дичится знатныхъ, и не тужить  
 Ни о покойницѣ роднѣ,  
 Ни о забытой старинѣ.

Итакъ, домой пришедъ, Евгеній  
 Страхнулъ шинель, раздѣлся, легъ—  
 Но долго онъ заснуть не могъ  
 Въ волненьи разныхъ размышленій.  
 О чемъ же думалъ онъ? О томъ,  
 Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ  
 Онъ долженъ былъ себѣ доставить  
 И независимость, и честь;  
 Что могъ бы Богъ ему прибавить  
 Ума и денегъ; что вѣдь есть  
 Такіе праздные счастливы,  
 Ума недалняго, лѣнивцы,  
 Которымъ жизнь куда легка!  
 Что служить онъ всего два года;  
 Онъ также думалъ, что погода  
 Не унималась; что рѣка  
 Все прибывала; что едва ли  
 Съ Невы мостовъ уже не сняли,  
 И что съ Парашей будетъ онъ  
 Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было  
 Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,  
 Чтобъ вѣтеръ былъ не такъ уныло,  
 И чтобы дождь въ окно стучалъ  
 Не такъ сердито....

## Сонны очи

Онъ наконецъ закрыль. И вотъ  
Рѣдѣтъ мгла ненастной ночи,  
И блѣдный день ужъ настаеть....  
Ужасный день!

## Нева всю ночь

Рвалась къ морю противъ бури,  
Не одолѣвъ ихъ буйной дури....  
И спорить стало ей не въ мочь....<sup>3</sup>  
Поутру надъ ея берегами  
Тѣснился кучами народъ,  
Любуясь брызгами, горами  
И пѣной разъяренныхъ водъ.  
Но силой вѣтра отъ залива  
Перегражденная Нева  
Обратно шла гнѣвна, бурлива,  
И затопляла острова;  
Погода пуще свирѣпѣла;  
Нева вздувалась и ревѣла,  
Котломъ клопоча и клубясь—  
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,  
На городъ, кинулась. Предъ нею  
Все побѣжало, все вокругъ  
Вдругъ опустѣло.... Воды вдругъ  
Втекли въ подземные подвалы;  
Къ рѣшоткамъ хлынули каналы —  
И всплыль Петрополь, какъ Тритонъ  
По поясъ въ воду погружонъ.  
Осада! приступъ! Злыя волны,  
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чолны  
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;  
Садки подъ мокрой пеленой,  
Обломки хижинъ, бревна, кровли,  
Товаръ запасливой торговли,  
Пожитки бѣдной нищеты,  
Грозой снесенные мосты,  
Гроба съ размытаго кладбища  
Плывутъ по улицамъ!

## Народъ

Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.  
Увы! все гибнетъ: кровь и пища.  
Гдѣ будетъ взять?

---

<sup>3</sup> Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій петербургскому наводненію (въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній Oleszkiewicz). Жаль только, что описаніе это не точно: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ польскаго поэта.—А. П.

Въ тотъ грозный годъ  
 Покойный царь еще Россіей  
 Со славой правилъ. На балконъ  
 Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ,  
 И молвилъ: «съ Божіей стихіей  
 Царямъ не совладѣть.» Онъ сѣлъ,  
 И въ думѣ скорбными очами  
 На злое бѣдствіе глядѣлъ.  
 Стояли стогны озерами,  
 И въ нихъ широкими рѣками  
 Вливались улицы. Дворецъ  
 Казался островомъ печальнымъ.  
 Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,  
 По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,  
 Въ опасный путь средь бурныхъ водъ  
 Его пустились генералы <sup>4</sup>  
 Спасать и страхомъ обуялый  
 И дома тонущій народъ.

Тогда на площади Петровой —  
 Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,  
 Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ  
 Съ поднятой лапой, какъ живые,  
 Стоять два льва сторожевые —  
 На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,  
 Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,  
 Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный  
 Евгений. Онъ страшился, бѣдный,  
 Не за себя. Онъ не слыхалъ,  
 Какъ подымался жадный валь,  
 Ему подошвы подмывая,  
 Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ;  
 Какъ вѣтеръ, буйно завывая,  
 Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.  
 Его отчаянные взоры  
 На край одинъ наведены  
 Недвижно были. Словно горы,  
 Изъ возмущенной глубины  
 Вставали волны тамъ и злились,  
 Тамъ буря выла, тамъ носились  
 Обломки.... Боже, Боже! тамъ—  
 Увы! близѣхонько къ волнамъ,  
 Почти у самаго залива—  
 Заборъ некрашенный, да ива  
 И ветхій домикъ: тамъ онъ,

<sup>4</sup> Графъ Милорадовичъ и генераль-адыютантъ Бенкендорфъ.—А. П.

Вдова и дочь, его Параша,  
Его мечта... Или во снѣ  
Онъ это видитъ? Иль вся наша  
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,  
Насмѣшка рока надъ землей?  
И онъ какъ будто околдованъ.  
Какъ будто къ мрамору прикованъ,  
Сойти не можетъ! Вкругъ него  
Вода—и больше ничего.  
И обращенъ къ нему спиною  
Въ неколебимой вышинѣ,  
Надъ возмущенною Невою,  
Сидитъ съ простертою рукою  
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ насытись разрушеньемъ  
И наглымъ буйствомъ утомясь,  
Нева обратно повлеклась,  
Своимъ любуясь возмущеньемъ  
И покидая съ небреженьемъ  
Свою добычу. Такъ злодѣй,  
Съ свирѣпой шайкою своей  
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,  
Крушить и грабить; вопли, скрежетъ,  
Насилье, брань, тревога, вой!...  
И грабежомъ отягощенны,  
Боясь погони, утомленны,  
Спѣшать разбойники домой,  
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая  
Открылась. И Евгенийъ мой  
Спѣшитъ, душою замирая,  
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ  
Къ едва смирившейся рѣкѣ.  
Но, торжествомъ побѣды полны,  
Еще кипѣли злобно волны,  
Какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;  
Еще ихъ пѣна покрывала,  
И тяжело Нева дышала,  
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.  
Евгенийъ смотритъ: видитъ лодку;  
Онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;  
Онъ перевозчика зоветъ—  
И перевозчикъ беззаботной

Его за гривенникъ охотно  
 Чрезъ волны страшныя везеть.

И долго съ бурными волнами  
 Боролся опытный гребецъ,  
 И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами  
 Всечасно съ дерзкими пловцами  
 Готовъ былъ чолнъ—и наконецъ  
 Достигъ онъ берега.

Несчастный

Знакомой улицей бѣжить  
 Въ мѣста знакомыя. Глядить...  
 Узнать не можетъ: видъ ужасный!  
 Все передъ нимъ завалено;  
 Что сброшено, что снесено;  
 Скривились домики; другіе  
 Совсѣмъ обрушились; иные  
 Волнами сдвинуты; кругомъ  
 Какъ будто въ полѣ боевомъ,  
 Тѣла валяются. Евгений  
 Стремглавъ, не помня ничего,  
 Изнемогая отъ мученій,  
 Бѣжить туда, гдѣ ждетъ его  
 Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,  
 Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.  
 И вотъ бѣжить ужъ онъ предмѣстьемъ,  
 И вотъ заливъ, и близокъ домъ...  
 Что жъ это?

Онъ остановился;  
 Пошелъ назадъ—и воротился.  
 Глядить... идетъ... еще глядить:  
 Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;  
 Вотъ ива. Были здѣсь ворота,  
 Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?  
 И полонъ сумрачной заботы,  
 Все ходить, ходить онъ кругомъ,  
 Толкуетъ громко самъ съ собою—  
 И вдругъ удара въ лобъ рукою,  
 Захоталъ.

Ночная мгла

На городъ трепетный сошла:  
 Но долго жители не спали  
 И межъ собою толковали  
 О днѣ минувшемъ.

Утра лучъ

Изъ за усталыхъ блѣдныхъ тучъ  
 Блеснулъ надъ тихою столицей—  
 И не нашель уже слѣдовъ



Бѣды вчерашней. Багряницей  
 Уже прикрыто было зло.  
 Въ порядокъ прежній все вошло.  
 Уже по улицамъ свободнымъ,  
 Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,  
 Ходилъ народъ. Чиновный людъ,  
 Покинувъ свой ночной пріютъ,  
 На службу шель. Торгашъ отважный,  
 Не унывая, открывалъ  
 Невой ограбленный подвалъ,  
 Сбираясь свой убытокъ важный  
 На ближнемъ выместить. Съ дворовъ  
 Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ,  
 Поэтъ, любимый небесами,  
 Ужъ пѣлъ безсмертными стихами  
 Несчастье невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгенийъ.  
 Увы! его смятенный умъ  
 Противъ ужасныхъ потрясеній  
 Не устоялъ. Мязежный шумъ  
 Невы и вѣтровъ раздавался  
 Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ  
 Безмолвно полонъ, онъ скитался;  
 Его терзалъ какой-то сонъ.  
 Прошла недѣля, мѣсяць—онъ  
 Къ себѣ домой не возвращался.  
 Его пустынный уголокъ  
 Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,  
 Хозяинъ бѣдному поэту.  
 Евгенийъ за своимъ добромъ  
 Не приходилъ. Онъ скоро свѣту  
 Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,  
 А спалъ на пристани; питался  
 Въ окошко поданнымъ кускомъ;  
 Одежда ветхая на немъ  
 Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти  
 Бросали камни вслѣдъ ему;  
 Нерѣдко кучерскія плети  
 Его стегали, потому  
 Что онъ не разбиралъ дороги  
 Ужъ никогда; казалось—онъ  
 Не примѣчалъ. Онъ оглушонъ  
 Былъ шумомъ внутренней тревоги.  
 И такъ онъ свой несчастный вѣкъ  
 Влачилъ—ни звѣрь, ни человѣкъ.  
 Но то, ни сѣ—ни житель свѣта.

Ни призракъ мертвый...

Разъ онъ спалъ  
У невской пристани. Дни лѣта  
Клонились къ осени. Дышалъ  
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валь  
Плескалъ на пристань, ропща пѣни  
И бьясь о гладкія ступени,  
Какъ челобитчикъ у дверей  
Ему невнемлющихъ судей.  
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;  
Дождь капалъ; вѣтеръ былъ уныло—  
И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,  
Перекликался часовой...  
Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо  
Онъ прошлый ужасъ; торопливо  
Онъ всталъ; пошелъ бродить, и вдругъ  
Остановился, и вокругъ,  
Тихонько сталъ водить очами  
Съ боязнью дикой на лицѣ.  
Онъ очутился подъ столбами  
Большаго дома. На крыльцѣ  
Съ поднятой лапой, какъ живые.  
Стояли львы сторожевые,  
И прямо въ темной вышинѣ,  
Надъ огражденною скалою,  
Гигантъ съ простертою рукою  
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.<sup>5</sup>

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились  
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ  
И мѣсто, гдѣ потопись игралъ,  
Гдѣ волны хищныя толпились,  
Бунтуя злобно вокругъ него,  
И львовъ, и площадь, и Того,  
Кто неподвижно возвышался  
Во мракѣ мѣдною главою,  
Того, чьей волей роковой  
Надъ моремъ городъ основался...  
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!  
Какая дума на челѣ!  
Какая сила въ немъ сокрыта!  
А въ семь конѣ какой огонь!  
Куда ты скачешь, гордый конь,  
И гдѣ опустишь ты копыта?

---

<sup>5</sup> См. описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно заимствовано изъ Рубана, какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ.—А. П.

О, мощный властелинъ судьбы!  
 Не такъ ли ты надъ самой бездной,  
 На высотѣ, уздой желѣзной  
 Россію вздёрнулъ на дыбы?

Кругомъ подножія кумира  
 Безумецъ блѣдный обошелъ,  
 И взоры дикіе навелъ  
 На ликъ державца полуміра.  
 Стѣснилась грудь его. Чело  
 Къ рѣшоткѣ хладной прилегло,  
 Глаза подернулись туманомъ,  
 По сердцу пламень пробѣжалъ,  
 Вскипѣла кровь: онъ мрачно сталъ  
 Предъ горделивымъ истуканомъ—  
 И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,  
 Какъ обуянный силой черной:  
 «Добро, строитель чудотворный!»  
 Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:  
 «Ужо тебѣ!» И вдругъ стремглавъ  
 Бѣжать пустился. Показалось  
 Ему, что грознаго царя,  
 Мгновенно гнѣвомъ возгоря,  
 Лицо тихонько обращалось...  
 И онъ по площади пустой  
 Бѣжитъ, и слышитъ за собой,  
 Какъ будто грома грохотанье,  
 Тяжело-звонкое скаканье  
 По потрясенной мостовой—  
 И, озаренъ луною блѣдной,  
 Простерши руку въ вышинѣ,  
 За нимъ несется Всадникъ Мѣдный  
 На звонко-скачущемъ конѣ—  
 И во всю ночь, безумецъ блѣдный  
 Куда стопы ни обращалъ,  
 За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный  
 Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случилось  
 Идти той площадью ему,  
 Въ его лицѣ изображалось  
 Смятенье: къ сердцу своему  
 Онъ прижималъ поспѣшно руку  
 Какъ бы его смиряя муку;  
 Картузь изношенный снималъ,  
 Смущенныхъ глазъ не подымалъ,  
 И шелъ сторонкой.

## Островъ малый

На взморьѣ виденъ. Иногда  
Причалить съ неводомъ туда  
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,  
И бѣдный ужинъ свой варить;  
Или чиновникъ посѣтитъ,  
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,  
Пустынный островъ. Не взросло  
Тамъ ни былинки. Наводненье  
Туда, играя, занесло  
Домишко ветхій. Надъ водою  
Остался онъ какъ черный кустъ—  
Его прошедшею весною  
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пусть  
И весь разрушенъ. У порога  
Нашли безумца моего...  
И тутъ же хладный трупъ его  
Похоронили, ради Бога.

31 октября 1833. Болдино.

